

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СЕВАСТОПОЛЬ» В ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Руденко Жанетта Анатольевна

*старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Севастопольского национального университета ядерной энергии и
промышленности
Севастополь, Россия*

E-mail: riv1953@yandex.ru

Научный руководитель — Татьяна Антоновна Ященко

Роль Севастополя в российской и мировой истории и культуре столь значима, а севастопольская тематика столь многогранно отражена в русских художественных и публицистических текстах и так глубоко пронизана аксиологической модальностью, что есть достаточно оснований выдвинуть положение о концептуализации Севастополя в русском языковом сознании.

Статья посвящена исследованию особенностей отражения культурного концепта «Севастополь» в индивидуальном концептуальном пространстве К.Г. Паустовского. Изучение культурных концептов является одним из приоритетных направлений современной лингвистики. Концептуальная система трактуется как «весь объем моделей осмысления и описания мира и его фрагментов» [7, с.23]. Концептуальная система определяется также как «совокупность концептов» или ментальных «репрезентаций» разного типа [1, с.97].

Глубоко разработано понятие индивидуального концептуального пространства и его связь с семантическим пространством текста, но недостаточно исследованной, на наш взгляд, остается проблема соотносительности индивидуальной концептуальной системы с объективной концептуальной системой, а также языковые и дискурсивные особенности отражения одного и

того же культурного феномена в различных индивидуальных концептуальных системах. В связи с этим предпринимаемое нами исследование представляется **актуальным**. Кроме того, изучение такого феномена, как Севастополь, обуславливает необходимость интегрирования данных различных гуманитарных и природоведческих знаний, что также является **актуальным** для современных лингвокогнитологических исследований.

Новизна работы заключается в реализации лингвоконцептологического дискурсивного анализа при исследовании историко-культурного феномена.

Материал исследования: тексты произведений К. Паустовского «Повесть о жизни», «Черное море» [4;5].

Цель работы: выявить языковые механизмы создания образа Севастополя в текстах К. Паустовского. **Задачи:** 1) проанализировать роль прецедентных высказываний и прецедентных имен; 2) выявить значение артефактов как средства языковой концептуализации; 3) представить образную составляющую концепта; 4) выявить стилистические функции морских терминов.

Севастополь в языковом сознании К. Паустовского воспринимается через призму истории и культуры – русской и общечеловеческой. Именно это обстоятельство обуславливает активное использование прецедентных высказываний и прецедентных имен, артефактов, морской терминологии.

Автобиографический текст, передающий первые впечатления 14-летнего мальчика от Севастополя, строится прежде всего на прецедентных андронимах *Нахимов, артиллерист Лев Толстой*, прецедентных топонимах *Малахов Курган, Братское кладбище, Константиновский форт*, создающих образ города – героической крепости периода Крымской войны.

На прецедентном имени основан и образ Севастополя как *русского акрополя* (здесь используется перифраза *русский акрополь*). Широко известны образные дефиниции Крымской войны и Севастополя, основанные на древнегреческих прецедентных именах *Крымская Илиада, русская Троя, адмирал Корнилов – Гектор новой трои, Николай I – Агамемнон новой Троянской войны* [2, с.7 – 12]. В создании ключевых образов города Севастополя: город – крепость, город – флот, город – театр – главное место принадлежит артефактам. Образ города – крепости формируется с помощью таких имен – артефактов, как: *крепость, стена, бастион, форт, бойница, пушка, мина, пушечное ядро, снаряд, флаг, цитадель, каземат, гильзы и др.*

Образ города – крепости органично переплетается с образом города – флота, что можно показать на примере развернутого сравнения фортов с боевыми кораблями (мониторами); в языковой реализации этого сравнения ведущая роль принадлежит именам – артефактам из сферы «флот»: *На крышах фортов были укреплены сигнальные мачты (...). Вечером на мачтах загорались зеленые фонари, и казалось, что форты, как мониторы, неся сигнальные огни, тяжело шли в ночь навстречу невидимым вражеским эскадрам* [5, с.27 – 28]. Образ города –

театра формируется с помощью таких артефактов, как: *театральный макет, занавес, сцена, кресла, афиша, билет, декорация, костюмы, реквизит и др.*

«Небесная азбука Морзе», первая глава повести «Черное море», открывается сравнением осеннего Севастополя с театральным макетом: *Город был похож на театральный макет, где с домов осыпалась позолота, и только редкие ее пятна остались на розовой штукатурке оград* [5, с.9]. Такое впечатление создается за счет освещения – осеннего сверкания. Освещение артефактов создает имплицитный образ софитов, направленных на сцену.

Похожи на театральные макеты и несуществующие памятники Севастополя, изображенные на рисунках художницы Сметаниной, проектирующей архитектурный облик будущего, по-настоящему социалистического города.

Как уже отмечалось ранее, К. Паустовский прекрасно знал топографию Севастополя, что проявляется в описании своеобразия каждого района города, в активном использовании урбанонимов и топонимов. Но при этом для топографических описаний чрезвычайно значимы языковая реализация индивидуально-авторского восприятия города и категории оценки, включающей субъективную модальность. План города определяется автором эпитетом *причудливый*, а природные объекты (берега, бухты, утесы) и строения (лестницы, причалы, порт) характеризуются как романтически порывистые, непредсказуемые и исполненные тайны: *Его радовала изорванность утесистых берегов, путаница глубоких бухт и повороты выветренных лестниц (...). Его поражал причудливый план города.* Авторская эмоциональная оценочность эксплицирована в глагольных предикатах *радовать* и *поражать*, в которых отмечается метафорическая семантика.

Метафоричность в изображении Севастополя во многих случаях имеет эмпирические истоки, то есть восходит к конкретным реалиям. Например, расположение города на холмах и наличие многочисленных бронзовых памятников героям Крымской войны отражается в метафорах *амфитеатр* и *бронзовый налет славы*: *А потом в струящемся дыму открылся амфитеатр города, покрытого как бы бронзовым налетом славы* [4, с.11].

Метафоры могут выступать как составляющие образного сценария. Так, в образном сценарии «Севастополь – это корабль»: лестницы именуются *трапами*: *Особенно мне нравились лестницы-трапы между нижним и верхним городом (...).* Также дается метафорический образ фортов-военных кораблей при описании Северной стороны: *... казалось, что форты, как мониторы, неся сигнальные огни, тяжело шли в ночь навстречу невидимым вражеским эскадрам* [4, с.28].

Многочисленны и индивидуально-авторские метафоры, в том числе и развернутые, связанные с очень важным для восприятия К. Паустовского звуковым образом города: *Их вскоре сменяли плавные вальсы с Приморского бульвара. Впечатление было такое, что играл не*

оркестр, а пели сами сумерки, успокаивая последние всплески волн около памятника Погибшим кораблям. Окруженность города морем с преобладающим синим цветом, перекликающимся с цветом южного неба, передана индивидуально-авторской метафорой *синий шар: Его поражал причудливый план города, спрятанного в синий шар неба и моря* [5, с.11].

Для стиля текстов, связанных с Севастополем, характерна своеобразная «кинематографичность», передвижка планов изображения.

Во второй книге автобиографической «Повести о жизни» автор воспринимает Северную бухту из окна мчащегося поезда весной на рассвете: *После туннелей сразу, со всего маху ударила в лицо зеленоватая вода и помчалась, изгибаясь и уходя в сухую мглу, обширная Северная бухта* [4, с.499]. Естественно, что автору видится бухта в стремительном движении (*помчалась*), в то же время отмечены ее размер (*обширная*), особенность рельефа (*изгибаясь*) и цвет воды (*зеленоватая*).

Для стиля Паустовского весьма характерна традиция включения морской лексики в образное пространство Севастополя. Писатель отмечал особую романтику и эмоционально-экспрессивную окраску, присущие этой специальной лексике: *А какая крылатая романтика живет во всех этих фрегатах и баркентинах, ихунах и клиперах, вантах и реях, кабестанах и адмиралтейских якорях, «собачьих» вахтах, звоне склянок и лагах, гуле машинных турбин, сиренах, кормовых флагах, полных штормах, тайфунах, туманах, ослепительных штилях, плавучих маяках, «приглубых» берегах и «обрубитых» мысах, узлах и кабельтовых – во всем том, что Александр Грин называл «живописным трудом мореплавания! Язык моряков крепок, свеж, полон спокойного юмора. Он заслуживает отдельного исследования, так же как и язык людей многих других профессий. Вся морская терминология, так же как и разговорный язык моряков, великолепна. Почти о каждом слове можно писать поэмы, начиная от «розы ветров» и кончая «гремящими сороковыми широтами» (это не поэтическая вольность, а наименование этих широт в морских документах)* [6; с.240-251]. Константин Георгиевич Паустовский использует наименования различных судов и кораблей, средств связи, инфраструктур, единиц измерения скорости судов. По мнению Н.М. Орловой, номинативное употребление морской лексики в произведениях этого писателя призвано создать атмосферу романтической приподнятости, в том числе (как впрочем в творениях других писателей-маринистов) колорит профессиональной среды [3; с.159].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

– Представление о Севастополе в индивидуальной концептосфере К.Г.Паустовского в значительной мере соотносится с характерным для русской культуры представлением о «Городе-героической крепости».

– В языковой реализации концепта «Севастополь» особая роль принадлежит

прецедентным феноменам и морской терминологии.

– Для образной составляющей концепта характерны развернутые образные сценарии «Город- Крепость», «Город-Флот», «Город-Театр» и различные типы метафор.

Перспективы исследования заключаются во всестороннем обосновании концептуализации Севастополя в русском языковом сознании. Можно предположить, что не только богатое историческое прошлое, но и его настоящее и будущее станут основой геокультурных и геоисторических образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов /Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузин; под общ. Ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
2. Орехова Л.А., Орехов В.В., Первых Д.К., Орехов Д.В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853-1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГС), 21010. – 480 с.
3. Орлова Н.М. Функционирование морской лексики в тексте художественной литературы (XIX – XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1984 – С. 159, 188 с.
4. Паустовский К.Г. Повесть о жизни // Паустовский К.Г. Собрание соч. в 6 томах – Т. 3. – М.: Госуд. изд-во худож. лит.; 1958. – 790 с.
5. Паустовский К.Г. Черное море // Паустовский К.Г. Собрание соч. в 6 томах – Т. 2. – М.: Госуд. изд-во худож. лит.; 1957. – С. 7-192 с.
6. Паустовский К.Г. Повесть «Золотая роза». Рассказ «Словари»./Паустовский К.Г. Собрание соч. в 6 томах – Т. 3. – М.: Госуд.изд-во худож. лит.; 1958. – С. 240-251, 790 с.
7. Пименова М. В. Об эволюции концептуальной системы / Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой // соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 20-36